

Николай Колмогоров

* * *

Пора кучевых облаков,
июльского зноя вершина!
Под синюю толщю веков
развернута свитком равнина.
Глазами нырну в глубину,
ковыльные версты читая,—
увиджу какую страну
с лесами, хлебами без края?
Увалы китами плывут,
змеятся таинственно реки,
горячие вихри бегут
в дрожачие маревом степи.
Э-эй, наливные поля,
селенья за вольницей далее —
неужто все это земля,
которую русской назвали?
Россия... На тысячи лет
идут о тебе разговоры.
Ты кровью скрепила завет
возделывать эти просторы.
Твое ожиданье пойму,
но лемех былых поколений
так тяжек, что приподниму —
и в землю уйду по колени!..

НА КРУГИ СВОЯ

С утра в наказах о добре
отец над сыном нависает
и жизни юной на зимле
мораль заботливо читает:
— Расти, расти, я говорю,
таким, как я тебя лелею,
таким, каким тебя люблю,
таким, как в мыслях разумею!..
Он говорит. А за окном
то зной, то дождь идет лавиной,

то валит снег, то первый гром
вдруг разразится над равниной!
Мерцают ночи, длятся дни,
меняется живое время...
— Расти! И бережно храни
отцовского завета семья!..
Суров отец, высок наказ.
И сын растет, ведет плечами.
Грядет его победный час,
гнетут отцовские печали.
Настанет миг — и разорвет
он крепи родственного слова,
дверь во вселенную рванет —
все повторится в мире снова!..

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Не призывай из мглы степей
ни молодой, ни древней бури.
Не поднимай из пыли дней
на белый свет летевшей пули.
Тупое сердце гложет лещь,
в продажном слове нет страданья.
У правды жизни свойство есть:
сбываются ее желанья!
Из мглы степей вернется мгла,
из дальних лет взиграет буря.
Засыплет смерч твой дела,
свинец прошьет, подкарауля.
Тогда, как стая воронья,
вся ложь поднимется над миром
и, дум преступных не тая,
отдаст грудущее громилам!..
О том, что в этот самый час
на свете может приключиться,
молчи! Ведь слово есть приказ,
готовый в дело воплотиться.

РОДИТЕЛЯМ

В час, когда я пришел в этот мир,
только-только затихла война
и родные пространства до дыр
прочесала ее борона.
Я в глубокие выси взглянул:
там десницей гиганта живой
ветер черную тучу взметнул
и волок по орбите земной.
То был пепел сожженных в печах,
бесприютно клубившийся вдаль.
И в суровых победных речах,
знать, недаром зияла печаль.
Нет, недаром сквозь сердце страны,
где салютом взлетел

небосклон,
прокатились и дрожь Колымы,
и сибирского холода стон.
В человеческих судьбах равнин,
гор студеной, тайги и песков,
разноликого времени сын,
я не знаю всей славы отцов.
Было. Кануло. Пало на дно.
Очевидцы — за давностью лет!
Рвы распаханы во поле. Но,
как дошедший оттуда завет,
помню, помню видение дней
той поры сокровенных начал,
где смыкались объятья сильней,
слез победы никто не считал.

МАТЬ СОЛДАТА

Из Рязани, Тагила, Сибири
и откуда еще — не узнать! —
он лежит под звездой в могиле.
Ждет его, дожидается мать.
Ждет она... Ожидания эти
невозможно представить душе!
А вернее всего, что на свете
нет и матери этой уже...

...Помню только: под вечер,
где глухо
облака залегли вдоль дорог,
молчаливо стояла старуха...
Темным ветром вздувало платок.

ДРУЗЬЯМ

На веселом застолье, друзья,
черт за нашими спинами бродит
и, табачным дурманом вися,
речи путает, чувства коробит.
Багровея, все круче шумим,
вот уже не услышим друг друга...
Перед нашими лицами дым,
а в полях поднимается вьюга.
Поднимается в сумерках смерч
небывалого в мире циклона!..
Но беспечного предостеречь
может только лишь
гром с небосклона.

Так и мы, чья похожа судьба
в том, что нежную лиру лелеем,
вечно слушаем только себя,
а друг друга беречь не умеем.
О поэты! Блеснувший успех
да не станет вершиной дороги!
Хлеба истины хватит на всех,
а бессмертье — почти на пороге!
Что бессмертье? Живительный час,
тот, когда окоlesiцу споров
дух отчизны морозно обдаст
целомудрием снежных просторов.

* * *

Половодьем бушует река,
топит, ломит кусты чернотала!
Далеко расплылись берега.
Облака в небесах разметало.
Лодку на воду! Крепким веслом
снова буду тягаться с простором,
за которым виднеется дом
в нежной роще над синим угором.
Там, едва на окромок ступлю,
голос давнего друга услышу.
А услышу — сильней полюблю
свежим тесом нашитую крышу!
Ближе, ближе... Последний рывок,
неизбежный десяток ударов —
и прощай, взбаламученный ток,
рвущий глину из-под крутояров!..
Пусть большая вода тяжела,
бешен яростный гул нарастанья —
мне б не выпустить только весла
в безоглядной струе испытанья!..